Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 3. С. 238–250
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 3, pp. 238–250
https://phpp.sgu.ru https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-3-238-250, EDN: FOJYYG

Научная статья
УДК 821.161.1-145.09+929[Тарковский+Сократ]

«Я не один, но мы еще в грядущем...»: Философские интенции в стихотворении А. А. Тарковского «Сократ»

А. А. Синицын

Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского (РХГА), Россия, 191011, г. Санкт-Петербург, Набережная реки Фонтанки, д. 15

Синицын Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, религиоведения и педагогики, aa.sinizin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9229-0217

Аннотация. ***Введение*.** Поэзию Арсения Тарковского называют метафизической, религиозно-философской. В данной статье предметом исследования является стихотворение «Сократ». ***Эмпирический анализ*.** В первой строфе герой Сократ (= поэт) говорит, что он не царь, он не хочет власти над другими, не стремится к почестям и победам; во второй строфе он заявляет, что не раб; в последней – третьей – строфе Сократ/Тарковский определяет свое место: он – творец, в его ремесле заключено божественное начало. ***Теоретический анализ.*** Для поэтического выражения своей философии, Тарковский выбирает образ Сократа, хотя в стихотворении имя афинского философа не упоминается. От его имени поэт говорит о том, что Сократ не единственный из тех, кто способен постигнуть высшую мудрость. Путь, пройденный Сократом, не прост, поэтому *ныне* его опыт исключителен. Но в будущем могут быть *мы* – опыт(ы) других людей, идущих за Сократом. ***Заключение.*** Тарковскому нужен не античный Сократ, а *свой* Сократ, от имени которого автор передает собственные мысли. *Мы в грядущем* – это не утверждение древнего философа, но высказывание современного русского поэта-мыслителя.

Ключевые слова: Сократ, русская философская лирика, Арсений Тарковский, власть, немота, пустота, грядущее

Для цитирования: *Синицын А. А.* «Я не один, но мы еще в грядущем...»: Философские интенции в стихотворении А. А. Тарковского «Сократ» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 3. С. 238–250. https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-3-238-250, EDN: FOJYYG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

"I'm not alone, and we are still to come...": Philosophical intentions in A. A. Tarkovsky's poem "Socrates"

A. A. Sinitsyn

The Dostoevsky Russian Christian Academy for the Humanities, 15 Naberezhnaya reki Fontanki, St. Petersburg 191011, Russia

Alexandr A. Sinitsyn, aa.sinizin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9229-0217

Abstract. ***Introduction*.** The scholars point out that Arseny Tarkovsky' works are metaphysical, religious-philosophical. This article analyses the poem "Socrates". ***Empirical analysis*.** The first stanza says that he (Socrates = author) is not a tsar; he does not crave the power over others, he does not strive for honours and victories in wars since he renounces wars and violence; the second stanza declares that he is not a slave; the final, the third, stanza determines the place the poet chooses for himself: he is a creator, and his craft embodies the divine spark. To enounce his worldview, to express his philosophy poetically, Tarkovsky chooses the image of Socrates though the poem does not mention the name of the legendary philosopher. ***Theoretical analysis*.** On behalf of the Athenian philosopher, the poet says that Socrates is not the only one who can conceive the ultimate wisdom. But *now* his experience is unique; Socrates was and is alone, yet, in the times to come, there may be 'us' – experience(s) of others following the mentor of Socrates. ***Conclusion*.** *We hereafter* purports to be the ancient philosopher's claim and the hope cherished by the contemporary Russian poet.

Keywords: Socrates, Russian philosophical lyrics, Arseny Tarkovsky, power, dumbness, emptiness, the hereafter

For citation: Sinitsyn A. A. "I'm not alone, and we are still to come...": Philosophical intentions in A. A. Tarkovsky's poem "Socrates". *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 3, pp. 238–250 (in Russian). https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-3-238-250, EDN: FOJYYG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

© Синицын А. А., 2026

Введение

Исследователи творчества Арсения Александровича Тарковского определяют его лирику как метафизическую, философскую и религиозно/христианско-философскую, говорят о «философии слова» и «поэтическом богословии» Тарковского, об экзистенциальной направленности его творчества, а самого поэта называют художником-мыслителем. В статье о поэтической философии Арс. Тарковского, саратовский филолог и поэт С. В. Кекова пишет: «Одним из глубоких поэтов-мыслителей, вошедших в русскую литературу во второй половине XX в., является Арсений Тарковский, чья поэтическая интуиция соприродна интуиции философской. Отличительной особенностью творческого мышления А. Тарковского является напряженное внимание к тайне человеческого слова вообще и поэтического слова в частности» [1, с. 51]. Кекова рассматривает творчество Тарковского в контексте русской религиозной философии (прежде всего мыслители первой половины XX в. П. А. Флоренский и С. Н. Булгаков) и находит, что поэтический лексикон Тарковского составляют «вечные, незаменимые, пресуществленные, увековеченные слова» [1, с. 55].

В диссертационном исследовании «Поэтический мир Арсения Тарковского» петербургский филолог О. А. Царёва отмечает: «Присутствие античных мотивов, отсылок к другим произведениям мировой культуры, медитативно-философский характер его поэзии позволяет включить Тарковского в число поэтов-интеллектуалов, поэтов-философов» [2, с. 13]. Характеризуя наиболее важных исторических деятелей и творцов прошлого, «диалог с которыми необходим поэту (Тарковскому. – *А. С.*)», О. А. Царёва считает, что «Исключительную роль в поэтическом мире Тарковского играют древнеримский поэт Овидий и странствующий философ и поэт Григорий Сковорода» [2, с. 34]. В сравнении с другими поэтами и мыслителями, которые фигурируют в сочинениях Тарковского, Овидий и особенно Скоровода, занимают особое место.

Есть немало специальных работ российских и зарубежных ученых о «животворящем влиянии Сковороды на личность и лирику Тарковского» [3, с. 278], авторы говорят о «сковородизме» советского поэта. В книге о мифопоэтике Арс. Тарковского украинский литературовед Н. А. Резниченко отметил: «Концепция поэта – нищего странника и царя, властителя дум и носителя высшей правды – несомненно, связана с этическим учением Франциска Ассизского, “Цветочками” которого Тарковский восхищался до конца своих дней, но в первую очередь, с философией и этикой Григория Сковороды, ставшего для поэта не только учителем жизни, но и – в полном смысле слова – мифологическим культурным героем, в сознании которого “чувство космического” соединилось с переживанием Бога в сакральном континууме Вечной Книги» [4, с. 29]. В сборник «Зимний день» (1980) поэт включил два стихотворения, датированные 1976 г., посвященные русскому мыслителю, поэту и педагогу Григорию Сковороде, которого называют «русским Сократом» или «малороссийским/украинским Сократом» (см., например, работы российских и зарубежных исследователей, в которых рассматривается образ философа-мистика Сковороды в лирике Тарковского: [2, с. 79–88, 148–149; 3; 4, с. 15, 192 и др.; 5–8; 9, с. 37–38; 10–13; 14, с. 169 сл.; 198–207, 258 сл.; 15, с. 94–96, 172–173 и др.; 16, 17]; о «русском Сократе» Сковороде см. в новом англоязычном сборнике «Сократ в России»: [18], здесь в первую очередь статьи: [19–22], все названные – публикации с литературой). Под влиянием Сковороды Тарковский находился с детства, считал его своим духовным наставником и образцом для подражания. Рассматривая аспекты влияния «русского Сократа» на советского поэта, Ж. Баратынская замечает: «Таков духовный путь каждой личности к человеку “внутреннему”, указанный и авторитетным для Тарковского Г. Сковородой. Этот путь, несмотря на все “камни преткновения”, наполнен для художника-неотрадиционалиста глобальным “спасительным” смыслом <…>» [14, S. 258–259]. «Сковородинский диптих» Тарковского был создан вскоре после празднования двух юбилеев Сковороды – в 1972 г. 250-летия со дня его рождения и в 1974 г. 180-летия его кончины, и, как считает П. А. Бетко, «Эти факты закономерно приобретают глубокий символический смысл в целостном контексте творчества поэта, комплексно осмысливавшего философемы воплощения человеческой души, ее бессмертия и “смысла бытия” как такового» [3, с. 177].

Проблемы бессмертия души и поиска смысла бытия волновали не только «малороссийского Сократа», но и *того самого* Сократа – прославленного древнегреческого мудреца, совершившего антропологический поворот в философии. Теме бессмертия творца (поэта, художника) посвящены многие сочинения Арс. Тарковского (см., например: [2, с. 91–96, 103 сл., 132, 142 сл.; 14, с. 271–295; 23, 24]). В его поэтическом наследии есть стихотворение, названное «Сократ», рассмотрение которого предлагается в данной статье.

Эмпирический анализ

«Сократ» был написан в конце 1950-х гг. и впервые опубликован в поэтическом сборнике «Перед снегом» (1962). Для дальнейшего анализа этого стихотворения приведу его полностью (цит. по: [25, с. 82]).

СОКРАТ
Я не хочу ни власти над людьми,
Ни почестей, ни войн победоносных.
Пусть я застыну, как смола на соснах,
Но я не царь, я из другой семьи.

Дано и вам, мою цикуту пьющим,
Пригубить немоту и глухоту.
Мне рубище раба не по хребту,
Я не один, но мы еще в грядущем.

Я плоть от вашей плоти, высота
Всех гор земных и глубина морская.
Как раковину мир переполняя,
Шумит по-олимпийски пустота.

Поэт говорит от первого лица – от имени древнегреческого философа Сократа (о проблеме соотношения автора и его лирического героя в лирике Арс. Тарковского: [12, 26–30]). В стихотворении «Сократ» шесть раз использовано личное местоимение «я»: четырежды – в первой строфе (стрк. 4 – *bis*) и по одному разу – во второй и третьей строфах; с местоимения «я» начинаются три строки: 1, 8 и 9. Во втором катрене герой-повествователь и от его имени сам поэт обращаются к своей аудитории: Сократ – к слушателям его речи из далекого прошлого, а автор «Сократа» – к нынешним читателям его стихотворения, и здесь использовано местоимение «вам» (стрк. 5). В восьмой строке после утверждения «*Я* не один» следует союз «но», образуя паузу в стихе, и далее – противопоставительное (к первой части сентенции в той же строке) признание: «мы еще в грядущем», со смысловым ударением на местоимении множественного числа *мы*.

Жанр стихотворения «Сократ» можно определить как философический сонет. Однако этот сонет неполный, не имеющий заключительного дистиха, где должна быть выражена основная мысль сочинения. Вывод из развития темы здесь представлен не в резюмирующем двустишии (так называемом «сонетном ключе», необходимом для полного сонета), а его заменяет последнее предложение – две строки, которые являются смысловой кодой. У Арс. Тарковского есть «правильные сонеты» в четырнадцать строк, в разных вариациях, соответствующие поэтическому канону этой «строгой» поэтической формы, например, философский сонет № I из поэтического цикла «Памяти А. А. Ахматовой» (1966–1968), в котором поэт утверждает памятник «На самой слезной из земель» [25, с. 312]. Этот сонет *in memoriam* начинается двумя катренами и заканчивается двумя терцетами, где в четверостишиях Тарковский также использует кольцевую рифму. Или иной по форме сонет № VI из того же цикла, посвященного Ахматовой [25, с. 315–316]; или «правильный сонет» четвертой части тетралогии «Степная дудка» («Земля неплодородная, степная…», 1960–1964), состоящий из двух первых катренов и двух терцетов [25, с. 207–208]. В той же форме написаны сонет № I из дистиха «Могила поэта (Памяти Н. А. Заболоцкого)» (кон. 1950-х) [25, с. 96], стихотворение «Рукопись» (1960), тоже посвященное А. А. Ахматовой [25, с. 189], сочинения № II, IV и VIII цикла «Чистопольская тетрадь» (1941), также сонет в форме диалога «Дриада» (1945–1946), в котором присутствуют античные реминисценции [25, с. 265], сонет «Надпись на книге» (1964), эпиграфом к которому взяты строки из пятнадцатой книги «Метаморфоз» Овидия [25, с. 213], сонеты «Надпись к портрету Байрона» (1950-е) [25, с. 388], «Тот жил и умер, та жила…» (1975) [25, с. 354], «Душу, вспыхнувшую на лету…» (1976) [25, с. 335] и др.

При отсутствии «сонетного ключа» в финале «Сократ» отличается предельной выразительностью, выглядит цельным, монолитным творением. Попробуем подобрать свой «ключ» к этому «квазисонету», где сопряжены лирика и философия, учитывая переклички «Сократа» с

другими стихотворениями Тарковского. В данной работе не проводится анализ исторического контекста рассматриваемого стихотворения; возможные культурные и политические аллюзии в «Сократе», порожденные настроениями «хрущевской оттепели», будут рассмотрены в другой статье.

Теоретический анализ

В поэзии и прозе Тарковского не упоминается никто из классических авторов, писавших о босоногом мудреце из Афин: ни философ Платон, ни философствующий историк и биограф Ксенофонт, ни комедиограф Аристофан, ни позднеантичный историк философии Диоген Лаэрций, ни другие писатели. В диссертации П. А. Цыпилёвой (раздел 1.4) говорится об источниках восприятия поэтом греко-римского наследия: «Анализ текстов Арс. Тарковского показывает, что *источниками восприятия* античного культурного наследия для него явились <…> древнейшие письменные памятники греческой литературы <…> *тексты Сократа* (*sic*! Курсив мой. – *А. С.*), Лукреция, Овидия <…>» [31, с. 13]. Но это не верно и даже нелепо, поскольку афинянин Сократ (в отличие от названных здесь римских писателей Тита Лукреция Кара и Публия Овидия Назона) никаких «текстов» не оставил, ведь, как известно, он и не создавал философских трудов, а сохранившиеся о нем сведения переданы его младшими современниками.

Анализируя образы стихотворения Тарковского «Первые свидания», О. А. Царёва пишет о функции сновидения как способе перехода в идеальный мир и ссылается на платоновское учение о дуализме мира: есть мир видимых явлений (чувственный, земной, преходящий = временный) – тот в котором мы пребываем, и это мир ложный; а есть другой, истинный – мир умопостигаемых идей (сверхчувственный, внеземной, вечный), где покоятся эйдосы суть прообразы существующего, т. е. всего того, что является лишь их (идей/эйдосов) отражением. Молодая исследовательница замечает: «мир восходит к распространенной философской идее реальности, или иллюзорности, внешнего мира, понимания сущности самой действительности. Данный концепт впервые возник еще в античной философии, у Платона. Платон считал реальный мир, изменчивый, непостоянный, лишь бледным отражением истинно прекрасного, вечного мира идей. Тарковскому близка эта идея, но поэт внес в нее свои коррективы» [2, с. 94]. Спорить о сходствах и различиях не стану, возможно, что и так, поскольку в стихотворениях Арс. Тарковского часто упоминается о двойственности мира – физическом (телесном) и духовном составляющих. (Мне известны десятки работ на тему о душе и духовном в лирике Тарковского, здесь сошлюсь лишь на статью и книги Н. А. Резниченко [4, 15, 32].) Однако сходство воззрений поэта с какой-либо философской концепцией (если это действительно так) еще не означает его прямую связь с оной и влияние на него какого-либо конкретного учения, в данном случае – платоновского.

В диссертации «Поэзия Арсения Тарковского в контексте традиций Серебряного века» (2005) Е. Н. Верещагина сравнивает две художественные концепции человеческой души, выраженные в творчестве Ходасевича и Тарковского, и резюмирует: «можно заметить, что отправной точкой в размышлениях обоих авторов является мотив противоречия души и тела, стремления души покинуть тело – “живую тюрьму” (А. Тарковский) – мотив, *отражающий платоновское понимание души* (курсив мой. – *А. С.*)» [33, с. 15]. Похожие суждения об отражении платоновских мотивов в лирике Арс. Тарковского можно встретить и в других работах (например, в диссертации Ж. Баратынской [14]). Однако неясно, в какой степени поэт был знаком с текстами Платона и/или Ксенофонта (?). Рассуждая о физической телесности души и одухотворенности тела в философской лирике Арс. Тарковского, Н. А. Резниченко отмечает влияние на советского поэта идей платонизма и орфизма через почитаемого им «русского Сократа» – Г. С. Сковороды: «Высокая степень коррекции орфико-платоновской концепции души и тела в поэзии Тарковского объясняется большим влиянием на его личностное и творческое формирование христианской антропологии Григория Сковороды, который был не только одним из любимых авторов поэта, но и его духовным поводырем в поисках “истинного человека”» [4, с. 192]. Скорее всего, Арс. Тарковский знал об основах платоновской философии из сочинений русских (да и не только) мыслителей. И представления о жизни и взглядах Сократа он мог получить опосредованно – от русских мыслителей XVIII–XX вв., учитывая его интерес к

учению Г. С. Сковороды, о чем было сказано выше, и его знакомство с философами начала прошлого столетия. Но еще раз отмечу, что нельзя сказать определенно о тех классических источниках, откуда поэт черпал сведения об античных философах.

Знания о Сократе, которые выражены в одноименном стихотворении Тарковского суть распространенные, общеизвестные. В «Сократе» упомянуты две реалии, отсылающие к древнегреческой культуре: цикута и олимпийская религия эллинов (в последней строке стихотворения использовано наречие «по-олимпийски»); можно усмотреть еще и намек на известный сократовский афоризм (о спасительном самопознании будет сказано ниже). Конечно, в стихах Арс. Тарковского появляются исторические и литературные фигуры греческой и римской классики (эллинские лирики Анакреонт, Алкей и Сапфо, трагик Эсхил, поэт золотого века римской литературы Овидий), фигурируют мифологические герои, обыгрываются гомеровские сюжеты (например, «Мщение Ахилла» 1965 г. [25, с. 255–256]) и проч. Но судить о степени знакомства поэта с античными источниками о Сократе и в целом по античной философии у нас фактически нет оснований.

Философские размышления на тему Сократа поэт начинает с отрицаний: «Я не хочу ни власти…, ни почестей, ни войн…» (как замечает И. С. Сирина, «Монолог Сократа начинается с определений со знаком минус» [34, с. 146]), отрицание присутствует и в седьмой строке стихотворения. Но отрицания подаются как утверждение своей позиции повествователем – гордым героем Сократом и самим поэтом. О сближении в понимании соотношения фигуры автора и его лирического героя, присутствующем в стихотворении «Сократ», говорится в статье И. С. Сириной «Проблема духовно-нравственного самоусовершенствования в поэзии Арсения Тарковского»: «В некоторых случаях чувство внутреннего родства с великим человеком настолько сильно, что поэт ощущает себя его “двойником”. Так, в стихотворении “Сократ” (1959) он как бы перевоплощается в древнегреческого мыслителя, от его имени излагает принципы этической философии Сократа, считавшего смыслом жизни человека духовно-нравственное самоусовершенствование. Встречающиеся в речи Сократа суждения и выражения идентичны принадлежащим лирическому “я” в других произведениях Тарковского» [34, с. 146]. Наблюдение верное, и лирический герой Сократ в одноименном стихотворении – «двойник» автора именно в кавычках, он *как бы двойник*. Поэт избирает великого героя мировой истории, непререкаемого жреца истины, имя которого стало синонимом мудрости, для того, чтобы вещать от имени древнегреческого философа.

В каждом катрене «Сократа» Арс. Тарковский высказывает определенный тезис: в первом – я не являюсь царем и не признаю власти; во втором – я не являюсь рабом; в третьем – я есть порождение высоты («всех гор земных») и глубины (всех морей). Сократ (Тарковского) заявляет: он потому и не-раб, что отрицает власть царей, сам он не стремится к господству над другими людьми, не желает прославления и насилия, поскольку в принципе не признает войн и насилия. Поэт, как и его герой, избирает волю, а потому он свободен от всякой зависимости.

Характеризуя реальный и идеальный миры в поэтической вселенной Арс. Тарковского, О. А. Царёва пишет о «Сократе»: «Мир, в котором вынужден существовать субъект или в котором обитают его герои, наполнен страхом, насилием, несправедливостью. Одни обитатели бесконечно утверждают свою власть над другими. Категория власти для поэта является мерилом невыносимости бытия. Отказом от власти и насилия проникнуто стихотворение “Сократ”. Темы абсолютной власти, тирании и подавления объединяют в один хронотоп несколько пространств в поэтическом мире А. Тарковского» [28, с. 53]. Строки из «Сократа» «Я плоть от вашей плоти, высота / Всех гор земных и глубина морская», по мнению Н. А. Резниченко, «представляют своего рода “краткий конспект” китайской мифологии» [15, с. 105]. Что ж, если охватывать столь широко, то в мифопоэтике Арс. Тарковского, пожалуй, можно усмотреть не только китайскую, но и скандинавскую и греко-римскую imago mundi. (О мотиве творения и космогонии в поэзии Тарковского см., например: [14, 28, 35–39].)

В последнем (третьем) катрене рассматриваемого стихотворения не-царь и не-раб Сократ определяет свое место так: он – философ, порождение «высоты всех гор земных и глубины морской», он – поэт духа, в котором живет божественное начало (о демиургическом сознании лирического субъекта в лирике Тарковского

см.: [37]). На мой взгляд, здесь присутствует перекличка со стихотворением поэта-символиста Вячеслава Иванова «Поэты духа» (1903). Один из творцов Серебряного века, антиковед и мыслитель, Иванов пишет от имени поэтов: «Мы – Вечности обеты / В лазури Красоты. / Мы – всплески рдяной пены / Над бледностью морей». Но Тарковский не противопоставляет (как это делает хозяин мусической «башни») «земные плены» – «заоблачным снам» и не призывает поэтов «воссесть среди царей» – тех, которые обитают в небесных высях. Отрицая царскую власть и рабскую зависимость, Арс. Тарковский признает величие и власть свободного художника. Как считает Н. А. Резниченко, «“Стихотворенье”, в которое поэт, подобно Творцу, хочет “*вдохнуть*” “*весь этот мир*”, становится не только *творением стиха*, но и одновременно *миротворением* и *жизнетворением*, что для Тарковского и является высшим духовным смыслом и экзистенциальным предназначением поэзии» [4, с. 56].

В «Сократе» лаконично выражены мироотношение поэта, его суждения о своем существовании, о человеческом существовании per se и *заброшенности* человека (если использовать термин философов-экзистенциалистов XX века: франц. «l’absurdité» и немец. «Geworfenheit»), человека, обреченного на свободу и выбор. Кстати, в финале «Сократа» есть слово «пустота», которое является еще одним значимым понятием экзистенциальной концепции Ж.-П. Сартра, правда, у французского философа оно наполнено иным смысловым содержанием.

В тексте рассматриваемого стихотворения имя Сократа ни разу не упоминается, оно указано только в заглавии. Однако в первой строке второй строфы говорится о напитке цикуты, что отсылает к смерти афинского философа. Как известно, по ложному обвинению в растлении юношества и отрицании богов, которым поклонялись эллины, и подмене их каким-то новым божеством, в 399 г. до н. э. члены Афинского суда приговорили своего соотечественника Сократа к смертной казни. Приговоренный философ сам избрал себе вид наказания: выпить чашу с ядом из растертых семян цикуты. Подробный рассказ о том, как в тюрьме философ исполнил приговор суда, содержится в диалоге Платона «Федон» (115a, 116c–118a).

Суд над Сократом и его смерть – события, которые находятся в центре истории античной культуры и всей европейской философии. В стихотворении Тарковского напрямую не говорится о суде и смерти Сократа, но упоминание напитка цикуты – это указание на несправедливый приговор и гибель философа. В художественной и философской литературе цикута всегда связана именно с Сократом и часто заменяется метафорой «кубок смерти», который сделал бессмертным афинского философа. Где цикута, там и Сократ, где Сократ, жди и упоминание цикуты.

В истории мировой культуры есть две чаши, связанные с двумя великими героями древности: первая по времени – сократовская, а вторая возникает четыре века спустя – это чаша, из которой Иисус Христос вкушал на Тайной вечере, и в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь из ран распятого на кресте Спасителя. Сократ и Христос – две фигуры, ставшие поворотными в развитии человечества. Как я уже отмечал в статье о другом литературном «Сократе» (стихотворении поэта-революционера П. Ф. Якубовича: [40]), с афинским Сократом случилось то, что через столетия произойдет с Христом. Физическая смерть «исцелила» афинского философа, освободив его от тенет земной жизни (как он сам иронично признается в финале платоновского «Федона», попросив своего товарища Критона принести петуха богу Асклепию). В биографическом очерке «Сократ» отечественный антиковед С. А. Жебелев писал: «То, что сказано о Христе, может быть применено и к Сократу: оба они должны были умереть, чтобы победить» [41, с. 123]. И далее там же: «Для первых христиан невольно напрашивалась мысль – противопоставить Христу языческого философа, пострадавшего, подобно ему, мученической смертью за исповедуемое им дело. <…> Место Сократа занял Христос. Однако искры того пламени, который возжег Сократ, не потухали в течение Средних веков. <…> Сократовское евангелие и для теперешнего, и для будущих поколений будет всегда служить источником жизни, нравственной силы и свободы» [41, с. 136, 137]. Впрочем, в рассматриваемом стихотворении Арс. Тарковского христианский аспект присутствует не явно, хотя есть статьи и диссертации о христианских идеях и христианском коде поэзии Тарковского (укажу лишь некоторые: [1, 14, 27, 39, 41; 42, с. 46–47, 127–140, 221–226 и др.]). Жанна Баратынская в диссертации о поэтике «вечного возвращения»

Арс. Тарковского пишет о героях прошлого в его лирике и самом поэте: «Так, творческие деяния всех упоминаемых в стихотворениях Тарковского “культурных” и исторических персонажей (Сократ, Винсент Ван-Гог, Пауль Клее, Анжело Секки, Комитас, Григорий Сковорода, Данте Алигьери, Вольфганг Моцарт, Гёте, Иоганн Себастиан Бах, Галилео Галилей, Овидий, Эсхил, Коперник) поэт приравнивает по своему значению к жертвенному деянию Иисуса Христа, сополагает с пророческой, “вестнической” задачей и сам включается в эту живую вневременную, вертикальную цепочку: “*Вы, жившие на свете до меня,* / *Моя броня и кровная родня* / <…> *Спасибо вам, вы хорошо горели*”, “*Унизил бы я собственную речь,* / *Когда б чужую ношу сбросил с плеч*”» [14, S. 351]; исследовательница цитирует два стихотворения (оба написаны также в конце 1950-х): «Вы, жившие на свете до меня…» (1959) [25, с. 80] и «Пускай меня простит Винсент Ван Гог…» (1958) [25, с. 87]. Обо всех персонажах, перечисленных здесь Ж. Баратынской, судить не берусь (эти фигуры, как и посвященные им стихи Тарковского, различны и разноплановы), но жертву Сократа поэт действительно приравнивает по значению к жертве Христой во имя человечества.

Сократов путь предельно сложен, но, как признает это герой-философ стихотворения Арс. Тарковского, он всё же возможен. Постижение истины – путь жертвенный. И пройти его может только тот, кто способен испить Сократов «кубок смерти»: «*Дано и вам,* мою цикуту пьющим…» Но все-таки – по Тарковскому – это дано *и нам*. И тот, кто отважится принять «чашу Сократа», сможет «пригубить немоту и глухоту» (стрк. 6). Для этого необходимо прислушаться к своему внутреннему голосу (предостережению даймону?). Вероятно, здесь у Арс. Тарковского можно уловить отсылку к самому знаменитому (или одному из таковых) античному афоризму, приписываемому Сократу: «Познай самого себя» (древнегреч. Γνῶθι σεαυτόν).

Главная идея стихотворения выражена в последней строке второго четверостишия: «*Я* не один, но *мы* еще в грядущем» (стрк. 8). Сократ Тарковского признаёт, что он не единственный из людей, постигший истину. Однако *ныне* опыт босоногого мудреца из Афин – уникален, он *пока* одинок, но в *грядущем* обязательно появятся *мы* – опыт(ы) многих (или не многих) других людей, идущих за Сократом. О последователях говорится во множественном числе: «дано и вам», «пьющим». Показательно, что в этом срединном четверостишии причастие «пьющим» (смертельный напиток из цикуты) рифмуется с существительным «грядущем». То есть те, кто способны «пригубить немоту и глухоту», готовя себя к познанию истины, должны быть готовы к жертвенному акту. И не обязательно идти *вослед за* Сократом, по проторенному *им* пути, ведь философ может выбрать *для себя* путь мудрости. Как Сократ сделал сам себя, так и каждый человек способен создать себя. Но Тарковский говорит именно об опыте самопознания по-сократовски, поскольку в стихотворении упоминается цикута. В «Сократе» герой-мудрец свидетельствует из прошлого о том, что *мы* суть *сократиане*, будущее человечества.

Поэт и литературовед, исследователь поэзии Серебряного века М. М. Кралин в воспоминаниях об Арс. Тарковском пишет: «Поэты – “уста пространства и времени”. А время и пространство безграничны. Поэтому Тарковский, сознавая свою роль и свои права, может заявить: “Я вызову любое из столетий, войду в него и дом построю в нем”. И блистательно осуществляет это намерение в таких стихотворениях, как “Мщение Ахилла”, “Сократ” или “Юродивый в 1918 году”. Седая древность проступает из пепла…» [42, с. 132]. В «Сократе» поэт от имени философа говорит о том, что *мы*, познавшие высшую истину, сбудемся в грядущем. Но грядущее – результат деятельности в настоящем. В стихотворении «Жизнь, жизнь» (№ 2) Тарковский утверждает: «грядущее свершается сейчас» [25, с. 242]. Другими словами, каждовременное *ныне* и есть непрестанное воплощение того, что непременно исполнится. В стихотворении «Вещи» (1957) поэт признается: «Я сделал для грядущего так мало, / Но только по грядущему тоскую…» [25, с. 166]. Будущее имеет «пробелы», наполнение которых зависит от нынешних поступков человеческих здесь и сейчас. Так, в стихотворении «Наша кровь не ревнует по дому…», созданном в конце 1960-х, поэт пишет: «…Но зияет в грядущем пробел, / Потому что земное земному / На земле полагает предел» [25, с. 309]. В философии Арс. Тарковского время едино, непрерывно и бесконечно: прошлое сопряжено с настоящим, а настоящее – с будущим, и в этом сопряжении «перекликаются» прошлое и будущее. В «Жизнь, жизнь» поэт говорит: «Я вызову любое из

столетий, / Войду в него и дом построю в нем» [25, с. 242]. И в следующей главе того же стихотворения: «Я и сейчас, в грядущих временах, / Как мальчик, привстаю на стременах» [25, с. 243]. Поэт способен предвидеть будущее: «Снилось мне все, что случится в грядущем со мной» [25, с. 306]; и может перемещаться во времени: «Из дней грядущих в прошлое мое» [25, с. 355].

О специфическом (философском) восприятии времени у Арс. Тарковского пишет Ж. Баратынская, и в качестве примера исследовательница анализирует «Сократа»; приведу пространную цитату из ее диссертации, поскольку изложенные суждения оказались близки моим (с некоторыми уточнениями, о чем будет сказано далее): «Образ такого “сомкнутого времени” представлен в стихотворении “Сократ” (1959), в котором лирический герой артикулирует свою личностную позицию “поступающего” восхождения. Трансформируя мифологический образ Сократа, внешне отождествляя с ним лирического героя, Тарковский в данном случае использует его как символическую сетку для выражения собственного духовного опыта. Сознание лирического героя, оказываясь вторичным культурному, устойчивому (“сократовскому”), выражает свое собственное, современное мироощущение, используя ассоциации, связанные с мифологическим образом философа, а также устойчивые символы античного мифа (*застывающая смола на соснах*, *цикута* и *раковина* как символ исходной точки вечно рождающегося и вечно умирающего мира). <…> Но перед нами – выражение позиции не античного философа, а человека 20-го века, разотождествившего свою систему ценностей с признанной, коллективной “нормой” (“*я из другой семьи*”), человека, ищущего истину в Духе (“*пьющего цикуту*”), а не в материи, а потому обреченного на “*немоту и глухоту*” окружающего мира. Лирический герой, признавая свое родство с принявшими “яд познанья” иного, не статичного, не ограниченного в своем развитии мира, утверждает, что путь его определяется “высотой” и “глубиной” <…>, то есть тождественен самопознанию и духовному восхождению. В данном стихотворении лирический герой уже включен в конвергентную коммуникацию с “Другими” (“*я не один*”), соборное единство которых абсолютно реально и находится в цельном нелинейном Большом Времени (“*мы еще в грядущем*”), слитым из взаимодействия прошлого (на это указывает частица “еще”) и будущего (“грядущее”)» [14, S. 293–294].

В последнем катрене «Сократа» рифмуются слова-существительные женского рода, отражающие как бы противоположные состояния: «высота» и «пустота». А заканчивается сочинение указанием на *шум пустоты по-олимпийски*. И эта почти-трагическая гнома о *шуме пустоты* высказана, как представляется, в духе Сократа. Остановимся подробнее на последней строке стихотворения. Небесные выси молчат, боги-насельники Олимпа не спасают смертных, поскольку боги безразличны ко всему земному. Здесь поэт говорит о заброшенности человека, о том, что Олимпийская мифология – красивый фантом и потому всего лишь шум, то, что связано с устоявшимися, однако давным-давно утратившими понимание, обрядами и ритуалами, но не с личным отношением к богам, божественному, космическому. Поэтому, как и всегда (прежде и впредь), «шумит по-олимпийски пустота».

Олимпийская тематика присутствует и в других стихах Арс. Тарковского. В шуточном сочинении «Стихи из детской тетради» (1958), наполненном реминисценциями из античной мифологии упоминается греческий Олимп; в нем поэт признается, что ему вдруг снова захотелось «Как в далекие детские годы, / <…> Штурмовать *олимпийские кручи*…», искать в пещерах нимф, сочинять величавые оды гекзаметром и подражать Алкеевой лире [25, с. 161]. Но про «олимпийские кручи» здесь говорится в игривом духе. А вот в стихотворении «Земное» (1960) поэт отрицает для себя радужное олимпийское спокойствие, отказывается от блаженного неземного бытия («Когда б на роду мне написано было / Лежать в колыбели богов…») в пользу своего, смертного состояния: «Но я человек, мне бессмертья не надо / Страшна неземная судьба»). В последнем катрене он благодарит (судьбу?) за бренное свое существование и прощается с «олимпийской скрипкой» [25, с. 99]:

Спасибо, что губ не свела мне улыбка
Над солью и желчью земной.
Ну что же, прощай, *олимпийская скрипка*,
Не смейся, не пой надо мной.

Пафос тарковсковского «Земного» в жизнеутверждении, в восприятии своего кратко-

го существования с его мелкими радостями, горестями, печалями и неизбежным смертным исходом – в качестве земного дара. Я есмь человек и не приемлю для себя божественной сущности – заявляет поэт. Пафос «Сократа» также в жизнеутверждении, но без «олимпийской скрипки», без олимпийского шума, т.е. в гордом провозглашении поэтом-философом независимого бытия, не то, чтобы абсолютно свободного от богов и веры в них, но свободного от служения пустой олимпийской вере без откровения, служения без личного отношения и деятельного осознания.

Вера эллинов в своих небожителей – лишь грандиозный земной *шум*, который занимает если не всю жизнь социума, то значительную ее часть. Этому *шуму олимпийской пустоты*, названному в финале «Сократа», противопоставлены у Тарковского *немота и глухота* во второй строфе стихотворения. Громогласная пустота по-олимпийски заполняет собой социальное существование полисной культуры эллинов. Напротив, немота и глухота – это наполненность человека, в экзистенциальном смысле – исполненность. И обретение оной (исполненности) понимается не как милость олимпийских богов, а как личный подвиг. Услышать немоту и глухоту возможно только пройдя путь познания, будучи обреченным на свободу. Свобода – это власть над собой, что дает возможность для поиска-познания, независимого от установленных внешней традицией формальных ритуалов и прижившихся в обществе устойчивых мнений. По-видимому, Сократ Тарковского противопоставляет богов, владык Олимпа, о которых рассказывают люди и которым сами поклоняются, – вере в высшую истину, в подлинную религию.

Заключение

Подводя итоги анализа «Сократа», еще раз повторю, что сведения Арс. Тарковского об афинском философе – общеизвестные, и они в стихотворении выражены скупо, поскольку поэт не изображает исторического Сократа (*sc.* того, о котором оставили свои воспоминания Ксенофонт и Платон), а ставит для себя, как художника, совершенно иную задачу. Тарковский транслирует *свои* суждения о смысле жизни и фундаментальных ценностях, он выражает *свою* философию.

В разные эпохи Сократ являлся образцом служения и преданности идеалам. Рассуждая о Сократе, философы, поэты, писатели, драматурги всегда говорили о том, что является важным для них самих. И Арс. Тарковскому нужен не античный Сократ (который бы соответствовал историческому или литературному образу), а *свой* Сократ, от имени которого автор передает собственные мысли. Его Сократ говорит на языке, понятном современникам – аудитории XX века.

Как свидетельствует древний мудрый герой стихотворения Арс. Тарковского, заглядывающий из своего прошлого в наше далекое будущее, каждый из живущих имеет шанс *исполниться*. Это не столько утверждение древнего философа, жившего в V веке до н. э., но и надежда современного русского поэта, пишущего из середины XX столетия нашей эры, опирающегося на колоссальный опыт истории человечества *post Socratem*. Ведь, по сути, ничего не изменилось за двадцать четыре столетия с лишком, промелькнувшие со времени смерти прославленного афинского мыслителя.

Список литературы

1. *Кекова С. В.* Философия слова Арсения Тарковского в контексте русской религиозной философии языка // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2011. Т. 11, вып. 3. С. 51–55.
2. *Царёва О. А.* Поэтический мир Арсения Тарковского: основы субъектой организации : дис. … канд. филол. наук. СПб., 2024. 178 с.
3. *Бетко И. П.* Концепция «трех миров» Григория Сковороды в философской лирике Арсения Тарковского // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21, № 2. С. 274–294. https://doi.org/10.15393/j9.art.2023.12344, EDN: GFXCQD
4. *Резниченко Н.* «Моя броня и кровная родня». Арсений Тарковский: предшественники, современники, «потомки». Очерки. Нежин ; Киев : Издатель Н. М. Лысенко, 2019. 336 с.
5. *Руссова С. Н.* Интерпретация творческого наследия Г. С. Сковороды в поэзии А. А. Тарковского // Проблемы изучения творческого наследия украинского поэта-философа XVIII в. Г. С. Сковороды. Харьков : Изд-во Харьковского ун-та, 1987. С. 42–46.
6. *Papla E.* Liryka Arseniusza Tarkowskiego wobec idei filozoficznych Hrihorija Skoworody i Pierre'a Teilharda de Chardin // Dziesięć wieków związków Wschodniej Słowiańszczyzny z kulturą Zachodu. Cz. 1. Literaturoznawstwo / red. J. Borsukiewicz. Lublin : Wydawnictwo UMCS, 1990. S. 351–363 (in Polish).

7. *Козлова А. Г., Скоробогатова О. О.* Григорій Сковорода та Арсеній Тарковський // Тези доповідей харківських сковородинівських читань, присвячених 270-річчю з дня народження Григорія Савича Сковороди (24–25 листопада 1992 р.). Харків : ХДУ, 1992. С. 143–144.
8. *Козлова А. Г., Скоробогатова О. О.* Поетичне звернення А. О. Тарковського до спадщини Г. С. Сковороди // Проблеми вивчення наукової і художньої спадщини Г. С. Сковороди: тези доповідей респ. наук. конф., присвяченої 270-річчю з дня народження українського поета і філософа. Харків : ХДПІ ім. Г. С. Сковороди, 1992. С. 23–24.
9. *Руссова С. Н.* Н. Заболоцкий и А. Тарковский. Опыт сопоставления. Киев : Издательский дом Дмитрия Бураго, 1999. 118 с.
10. *Левкиевская Е. Е.* Концепт человека в аксиологическом словаре поэзии А. Тарковского // Категории и концепты славянской культуры. М. : Институт славяноведения РАН, 2007. С. 61–73.
11. *Лицарева К. С.* Концепция самосознания личности в творческом наследии Г. Сковороды и А. Тарковского // Славянские литературы в контексте истории мировой культуры (Преподавание, изучение). Информационные материалы и тезисы докладов международной конференции (Москва, 22–23 октября 2002 г.). М. : Изд-во Московского университета, 2002. С. 49–52.
12. *Мансков С. А.* Поэтический мир Арсения Тарковского. Лирический субъект. Категориальность. Диалог сознаний : дис. … канд. филол. наук. Барнаул, 1999. 201 с.
13. *Черненко М.* Арсений Тарковский и Григорий Сковорода: за птицей-истиной // Омилия: Международный литературный клуб. 23.03.2011. URL: https://omiliya.org/content/arsenii-tarkovskii-i-grigorii-skovoroda-za-ptitsei-istinoi.html (дата обращения: 14.05.2025).
14. *Baratynskaya Zh.* Poetik der «Ewigen Rückkehr» Arsenij Tarkovskijs als Ppänomen des konvergenten Bewusstseins. Diss... Zur Erlangung der Würde der Doktorin der Philosophie der Fachbereiche Sprach-, Literatur- und Medien & Europäische Sprachen und Literaturen der Universität Hamburg. Hamburg : [o. V.], 2011. 378 S. + 45 S. URL: https://ediss.sub.uni-hamburg.de/handle/ediss/4189/1/dissertation.pdf (дата обращения: 11.05.2025).
15. *Резниченко Н.* «От земли до высокой звезды»: Мифопоэтика Арсения Тарковского. Нежин ; Киев : Издатель Н. М. Лысенко, 2014. 272 с.
16. *Царёва О. А.* Григорий Сковорода в поэтическом мире Арсения Тарковского // Российская наука в современном мире : сб. статей XLII Международной научно-практической конференции : в 2 ч. М. : Научно-издательский центр «Актуальность. РФ», 2021. Ч. 2. С. 24–25.
17. *Царёва О. А.* Хронотоп степи в поэтическом мире А. Тарковского // Профессорский журнал. Серия «Русский язык и литература». 2021. № 4. С. 26–33.
18. Socrates in Russia / ed. by A. DeBlasio and V. Juharyan. Leiden ; Boston : Brill, 2022. XX, 374 p.
19. *Armstrong B.* Writing the Russian Socrates: Dostoevsky, Skovoroda, and the World of *The Brothers Karamazov* // Socrates in Russia / ed. by A. DeBlasio and V. Juharyan. Leiden ; Boston : Brill, 2022. P. 83–103.
20. *Besprozvany V.* "Skovoroda's Way" in the Russian Symbolist and Post-Symbolist Tradition // Socrates in Russia / ed. by A. DeBlasio and V. Juharyan. Leiden ; Boston : Brill, 2022. P. 167–195.
21. *Camisa Morale E.* The Poet Hryhory Skovoroda: Knowledge as a Process // Socrates in Russia / ed. by A. DeBlasio and V. Juharyan. Leiden ; Boston : Brill, 2022. P. 39–62.
22. *DeBlasio A., Juharyan V.* Introduction // Socrates in Russia / ed. by A. DeBlasio and V. Juharyan. Leiden ; Boston : Brill, 2022. P. 1–16.
23. *Yuzefpolskaya S., Rueckert G.* No Empty Game: The Immortality of the Poet in Arseny Tarkovsky's *Memorial Poems* to N. A. Zabolotsky and A. A. Akhmatova // Slavic and East European Journal. 2006. Vol. 50, № 2. P. 287–308.
24. *Цыпилёва П. А.* Образы и мотивы античной танатологии в поэзии Арсения Тарковского // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 395. С. 25–30.
25. *Тарковский А. А.* Собрание сочинений : в 3 т. Т. 1: Стихотворения. М. : Художественная литература, 1991. 462 с.
26. *Руссова С. Н.* Автор и лирический текст. М. : Языки славянской культуры, 2005. 312 с.
27. *Волков В. В.* Арсений Тарковский: лирическое «я» и поэтическая философия // Язык и культура (Новосибирск). 2014. № 12. С. 99–105.
28. *Мансков С. А.* Мотив творения в поэзии Арсения Тарковского // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 2 (82). С. 160–163. URL: https://doi.org/10.14258/izvasu(2014)2.1-30 (дата обращения: 12.05.2025).
29. *Бокарев А. С.* «Я» как «другой» в субъектной структуре лирики Арсения Тарковского // Новый филологический вестник. 2021. № 1 (56). С. 207–215.
30. *Зейферт Е. И.* Дейктические проекции в стихотворении Арсения Тарковского «Книга травы» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 11. С. 65–74.
31. *Цыпилёва П. А.* Рецепция античной культуры в творческом сознании Арс. Тарковского, А. Кушнера, С. Стратановского : автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 2016. 23 с.
32. *Резниченко Н. А.* Две психеи. Арсений Тарковский и Владислав Ходасевич // Вопросы литературы. 2017. № 5. С. 141–169.
33. *Верещагина Е. Н.* Поэзия Арсения Тарковского в контексте традиций Серебряного века : автореф. дис. … канд. филол. наук. Вологда, 2005. 24 с.

34. *Сирина И. С.* Проблема духовно-нравственного самоусовершенствования в поэзии Арсения Тарковского // Русская литература: многовекторность подходов : сб. науч. статей / под ред. С. Я. Гончаровой-Грабовской и [др.]. Минск : РИВШ, 2017. С. 129–159.
35. *Papla E.* Kosmologia Arseniusza Tarkowskiego. O związkach liryki poety z myślą filozoficzną o. Pierre'a Teilharda de Chardin // Sacrum w literaturach słowiańskich / red. J. Gotfryd i P. Nowaczyński. Lublin : Redakcja Wydawnictw Katolckiego Uniwersytetu Lubelskiego, 1997. S. 269–287 (in Polish).
36. *Павловская И. Г.* Образы пространства и времени в поэзии Арсения Тарковского : автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 28 с.
37. *Павловская И. Г.* Демиургическое сознание лирического субъекта в лирике Арсения Тарковского // Система ценностей современного общества. 2008. № 3. С. 77–81.
38. *Кекова С. В.* Метаморфозы христианского кода в поэзии Н. Заболоцкого и А. Тарковского : автореф. дис. … д-ра филол. наук. Саратов, 2009. 41 с.
39. *Кекова С. В.* Небо и земля Арсения Тарковского: метафоры христианского кода. Саратов : Изд-во СГСЭУ, 2009. 164 с.
40. *Синицын А. А.* Кубок смерти Сократа: образ философа в стихотворении П. Ф. Якубовича «Сократ» // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2023. Т. 24, вып. 4. С. 164–187.
41. *Жебелев С. А.* Сократ // Жебелев С. А., Виндельбанд В. Сократ и Платон. М. : Вече, 2022. С. 5–137.
42. *Кралин М. М.* Встречи с мастером // «Я жил и пел когда-то…»: Воспоминания о поэте Арсении Тарковском / сост. М. Тарковская. Томск : Изд-во «Водолей», 1999. С. 128–143.

References

1. Kekova S. V. Philosophy of word of Arseny Tarkovsky in context of Russian religious philosophy of language. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2011, vol. 11, iss. 3, pp. 51–55 (in Russian).
2. Tsareva O. A. *Poetic world of Arseny Tarkovsky: The basics of subject organization.* Diss. Cand. Sci. (Philol.). St. Petersburg, 2024. 178 p. (in Russian).
3. Betko I. P. Reflection of the "Three Worlds" Concept of Grigory Skovoroda in the Philosophical Lyrics of Arseny Tarkovsky. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2023, vol. 21, no. 2, pp. 274–294 (in Russian). https://doi.org/10.15393/j9.art.2023.12344, EDN: GFXCQD
4. Reznichenko N. A. *"Moya bronya i krovnaya rodnya": Arseniy Tarkovskiy: predshestvenniki, sovremenniki, "potomki". Ocherki* ["My Armor and Blood Relatives": Arseny Tarkovsky: Predecessors, contemporaries, "descendants"]. Nezhin, Kiev, Izdatel' N. M. Lysenko, 2019. 336 p. (in Russian).
5. Russova S. N. Interpretation of the creative heritage of G. S. Skovoroda in the poetry of A. A. Tarkovsky. In: *Problemy izucheniya tvorcheskogo naslediya ukrainskogo poeta-filosofa XVIII v. G. S. Skovorody* [Problems of studying the creative heritage of the Ukrainian poet-philosopher of the 18th century G. S. Skovoroda]. Kharkov, Kharkov State University Publ., 1987, pp. 42–46 (in Russian).
6. Papla E. Liryka Arseniusza Tarkowskiego wobec idei filozoficznych Hrihorija Skoworody i Pierre'a Teilharda de Chardin [Arseny Tarkovsky's Lyrics and the Philosophical ideas of Grigory Skovoroda and Pierre Teilhard de Chardin]. *Dziesięć wieków związków Wschodniej Słowiańszczyzny z kulturą Zachodu. Cz. 1. Literaturoznawstwo* [Ten Centuries of Connections between Eastern Slavs and Western culture. Part 1. Literary Studies]. Lublin, Wydawnictwo UMCS, 1990, S. 351–363 (in Polish).
7. Kozlova A. G., Skorobogatova O. O. Grigory Skovoroda and Arseny Tarkovsky. In: *Tezi dopovidey kharkivs'kikh skovorodinivs'kikh chitan', prisvyachenikh 270-richchyu z dnya narozhennya Grigiriya Savicha Skovorodi (24–25 listopada 1992 r.)* [Abstracts of Reports of the Kharkov Skovoroda' Readings Dedicated to the 270th Anniversary of the Birth of Grigory Savich Skovoroda (November 24–25, 1992)]. Kharkov, KhSU Publ., 1992, pp. 143–144 (in Ukrainian).
8. Kozlova A. G., Skorobogatova O. O. Tarkovsky's poetic appeal to the heritage of G. S. Skovoroda. In: *Problemi vivchennya naukovoy i khudozhn'oy spadshchini G. S. Skovorodi: tezi dopovidey resp. hauk. konf., prisvyachenoy 270-richchyu z dnya narozhennya ukrains'kogo poeta i filosofa* [Problems of Studying the Scientific and Artistic Heritage of G. S. Skovoroda: Abstracts of reports of the republican scientific conference dedicated to the 270th anniversary of the birth of the Ukrainian poet and philosopher]. Kharkov, KhDPI im. G. S. Skovorodi Publ., 1992, pp. 23–24 (in Ukrainian).
9. Russova S. N. *N. Zabolotskiy i A. Tarkovsriy. Opyt sopostavleniya* [N. Zabolotsky and A. Tarkovsky. The experience of comparison]. Kiev, Izdatel'skiy dom Dmitriya Burago, 1999. 118 c. (in Russian).
10. Levkievskaya E. E. The concept of a man in the axiolodical dictionary of poetry by A. Tarkovsky. In: *Kategorii i kontsepty slavyanskoy kul'tury* [Categories and concepts of Slavic culture]. Moscow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2007, pp. 61–73 (in Russian).
11. Litsareva K. S. The concept of self-awareness of the individual in the creative heritage of G. Skovoroda and A. Tarkovsky. In: *Slavyanskie literatury v kontexte istorii mirovoy kul'tury (Prepodavanie, izuchenie). Informatsionnye materialy i tezisy dokladov mezhdunarodnoy konferentsii (Moskva, 22–23 oktyabrya 2002 g.)* [Slavic Literatures in the Context of the History of World Culture (Teaching, Studying). Information materials and abstracts of reports of the International conference (Moscow, October 22–23, 2002)]. Moscow, Moscow State University Publ., 2002, pp. 49–52 (in Russian).

12. Manskov S. A. *Poetic world of Arseny Tarkovsky. Lyrical subject. Categoricality. Dialogue of consciousnesses*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Barnaul, 1999. 201 p. (in Russian).
13. Chernenko M. Arseny Tarkovsky and Grigory Skovoroda: For the bird-truth. *Omilia: Mezhdunarodnyy literaturnyy klub* (Omilia: International Literary club). 23.03.2011. Available at: https://omiliya.org/content/arsenii-tarkovskii-i-grigorii-skovoroda-za-ptitsei-istinoi.html (accessed May 14, 2025) (in Russian).
14. Baratynskaya Zh. Poetik der "Ewigen Rückkehr" Arsenij Tarkovskijs als Ppänomen des konvergenten Bewusstseins. Diss... Zur Erlangung der Würde der Doktorin der Philosophie der Fachbereiche Sprach-, Literatur- und Medien & Europäische Sprachen und Literaturen der Universität Hamburg. Hamburg, [o. V.], 2011. 378 S. + 45 S. Available at: https://ediss.sub.uni-hamburg.de/handle/ediss/418/1/dissertation.pdf (accessed May 11, 2025) (in Russian with abstract in German).
15. Reznichenko N. A. *"Ot zemli do vysokoy zvezdy": Mifopoetika Arseniya Tarkovskogo* ["From the Earth to the High Star": Mythopoetics of Arseny Tarkovsky]. Nezhin, Kiev, Izdatel' N. M. Lysenko, 2014. 272 p. (in Russian).
16. Tsareva O. A. Grigory Skovoroda in the poetic world of Arseny Tarkovsky. *Rossiyskaya nauka v sovremennom mire. Sbornik statey XLII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 2 ch.* [Russian Science in the Modern World: Collection of articles of the XLII International scientific and practical conference: in 2 pts.]. Moscow, Nauchno-izdatel'skiy tsentr "Aktual'nost' RF", 2021, pt. 2, pp. 24–25 (in Russian).
17. Tsareva O. A. The steppe chronotope in the poetic world of A. Tarkovsky. *Professorskiy zhurnal. Seriya "Russkiy yazuk i literatura"* [Professorial Journal. Series "Russian Language and Literature"], 2021, no. 4, pp. 26–33 (in Russian).
18. DeBlasio A., Juharyan V., eds. Socrates in Russia. Leiden, Boston, Brill, 2022. XX, 374 p.
19. Armstrong B. Writing the Russian Socrates: Dostoevsky, Skovoroda, and the World of "The Brothers Karamazov". In: DeBlasio A., Juharyan V., eds. *Socrates in Russia*. Leiden, Boston, Brill, 2022, pp. 83–103.
20. Besprozvany V. "Skovoroda's Way" in the Russian Symbolist and Post-Symbolist Tradition. In: DeBlasio A., Juharyan V., eds. *Socrates in Russia*. Leiden, Boston, Brill, 2022, pp. 167–195.
21. Camisa Morale E. The Poet Hryhory Skovoroda: Knowledge as a Process. In: DeBlasio A., Juharyan V., eds. *Socrates in Russia*. Leiden, Boston, Brill, 2022, pp. 39–62.
22. DeBlasio A., Juharyan V. Introduction. In: DeBlasio A., Juharyan V., eds. *Socrates in Russia*. Leiden, Boston, Brill, 2022, pp. 1–16.
23. Yuzefpolskaya S., Rueckert G. No Empty Game: The Immortality of the Poet in Arseny Tarkovsky's "Memorial Poems" to N. A. Zabolotsky and A. A. Akhmatova. *Slavic and East European Journal*, 2006, 50, no. 2, pp. 287–308.
24. Tsypileva P. A. Ancient thanatology images and motives in Arseny Tarkovsky's Poetry. *Tomsk State University Journal*, 2015, no. 395, pp. 25–30 (in Russian).
25. Tarkovsky A. A. *Sobranie sochineniy: v 3 t.* T. 1: Stikhotvoreniya [Collected Works: in 3 vols. Vol. 1: Poems]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1991. 462 p. (in Russian).
26. Russova S. N. *Avtor i liricheskiy text* [Author and lyrical text]. Moscow, Yazuki slavyanskoy kul'tury, 2005. 312 p. (in Russian).
27. Volkov V. V. Arseny Tarkovsky: The lyrical "I" and poetic philosophy. *Yazyk i kul'tura (Novosibirsk)* [Language and Culture (Novosibirsk)], 2014, no. 12, pp. 99–105 (in Russian).
28. Manskov S. A. The motive of creation in the poetry of Arseny Tarkovsky. *Bulletin of the Altai State University*, 2014, no. 2 (82), pp. 160–163. Available at: https://doi.org/10.14258/izvasu(2014)2.1-30 (accessed May 12, 2025) (in Russian).
29. Bokarev A. S. "I" as "the Other" in the Subject Structure of Arseny Tarkovsky's Lyric Poetry. *Novyy filologicheskiy vestnik* [New Philological Review], 2021, no. 1 (56), pp. 207–215 (in Russian).
30. Seifert E. I. Deictic projections in Arseny Tarkovsky's poem "The Book of Grass". *Vestnik RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"* [RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series], 2024, no. 10, pp. 65–74 (in Russian).
31. Tsypileva P. A. *Recepton of ancient culture in the creative consciousness of Ars. Tarkovsky, A. Kushner, S. Stratanovsky.* Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Tomsk, 2016. 23 p. (in Russian).
32. Reznichenko N. A. Two Psyches. Arseny Tarkovsky and Vladislav Khodasevich. *Voprosy literatury* [Questions of Literature], 2017, no. 5, pp. 141–169 (in Russian).
33. Vereshchagina E. N. *Poetry of Arseny Tarkovsky in the traditions of the Silver Age.* Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Vologda, 2005. 24 p. (in Russian).
34. Sirina I. S. The problem of Spiritual and Moral Self-improvement in the Poetry of Arseny Tarkovsky. In: *Russkaya literatura: mnogovektornost' podkhodov. Pod red. S. Ya. Goncharovoy-Grabovskoy [i dr.]* [Goncharova-Grabovskaya S. Ya. et al., eds. Russian literature: Multi-Vector approaches]. Minsk, Republican Institute of Higher Education Publ., 2017, pp. 129–159 (in Russian).
35. Papla E. The Cosmology of Arseny Tarkovsky. On the connections of the poet's lyrics with the Philosophical Thought of Father Pierre Teilhard de Chardin. In: Gotfryd J., Nowaczyński P., eds. *Sacrum w literaturach słowiańskich* [The Sacred in Slavic Literatures]. Lublin, Redakcja Wydawnictw Katolckiego Uniwersytetu Lubelskiego, 1997, S. 269–287 (in Polish).

36. Pavlovskaya I. G. *Images of space and time in the poetry of Arseny Tarkovsky.* Thesis. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2007. 28 p. (in Russian).
37. Pavlovskaya I. G. Demiurgic consciousness of the lyrical subject in the lyrics of Arseny Tarkovsky. *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva* [The System of Values of Modern Society], 2008, no. 3, pp. 77–81 (in Russian).
38. Kekova S. V. *Metamorphoses of the Christian code in the poetry of N. Zabolotsky and A. Tarkovsky.* Thesis. Diss. Dr. Sci. (Philol.). Saratov, 2009. 41 p. (in Russian).
39. Kekova S. V. *Nebo i zemlya Arseniya Tarkovskogo: metamorfozy khristianskogo koda* [Heaven and Earth of Arseny Tarkovsky: Metamorphoses of the Christian code]. Saratov, Saratov Socio-Economic Institute Publ., 2009. 164 p. (in Russian).
40. Sinitsyn A. A. Socrates' goblet of death: The image of the philosopher in the poem 'Socrates' by P. F. Yakubovich. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Review of the Russian Christian Academy for the Humanities], 2023, vol. 24, iss. 3, pp. 164–187 (in Russian).
41. Zhebelev S. A. Sokrat [Socrates]. In: Zhebelev S. A., Windelband W. *Sokrat i Platon* [Socrates and Plato]. Moscow, Veche, 2022, pp. 5–137 (in Russian).
42. Kralin M. M. Meetings with the master. In: *"Ya zhil i pel kogda-to…": Vospominaniya o poete Arsenii Tarkovskom* [Tarkovskaya M., comp. "I once lived and sang…": Memories of the poet Arseny Tarkovsky]. Tomsk, Vodoley, 1999, pp. 128–143 (in Russian).

Поступила в редакцию 07.07.2025; одобрена после рецензирования 01.08.2025;
принята к публикации 03.06.2026; опубликована 30.09.2026
The article was submitted 07.07.2025; approved after reviewing 01.08.2025;
accepted for publication 03.06.2026; published 30.09.2026